

МИХАИЛ
ПРИШВИН

Зеленый шум

Михаил Михайлович Пришвин
Охотничьи собаки
Серия «Охотничьи собаки»

OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 16 июня 2002 года,

Оформление: ТаКир, 2007

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161903

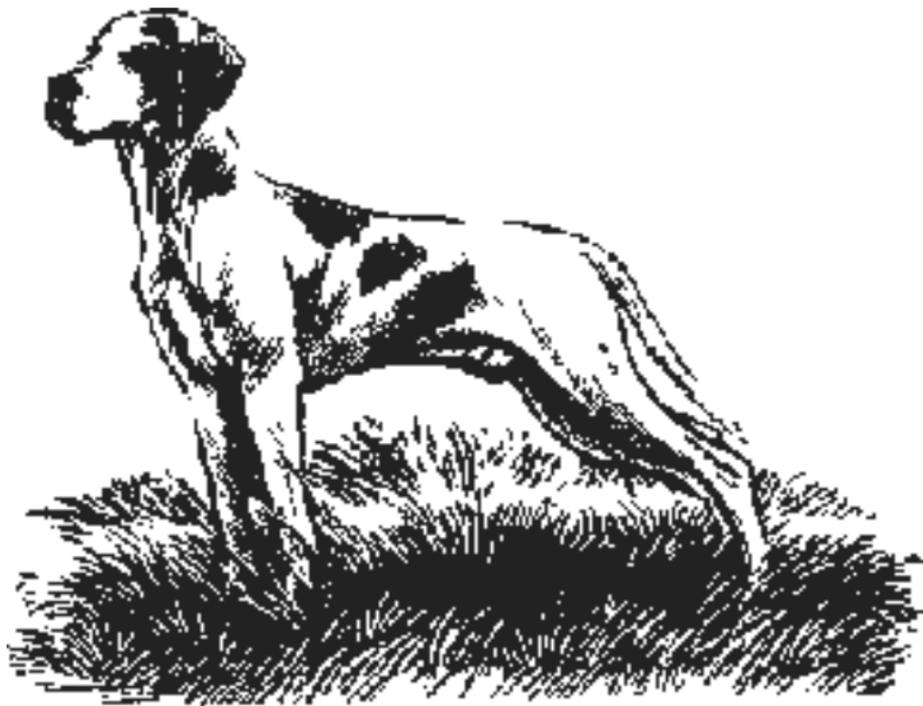
М.Пришвин, сборник «Зеленый шум»: Правда; Москва; 1983

Аннотация

В сборник «Зеленый шум» известного русского советского писателя М.М. Пришвина (1873–1954) вошли его наиболее значительные произведения, рассказывающие о встречах с интересными людьми, о красоте русской природы и животном мире нашей страны.

Часть сборника, посвященная собакам.

Михаил Михайлович Пришвин Охотничьи собаки

Охотничья собака – это ключ от дверей, которыми закрываются от человека в природе звери и птицы. И самое главное в этом ключе – собаке – это ее нос, удивительный ап-

парат для человека, способного чують лишь немного дальше своего носа.

Нос собаки, или чутье, как говорят охотники, эта холодная мокрая замазка с двумя дырочками, никогда не перестанет удивлять человека. Бывает, ветер нанесет собаке на открытом болоте запах маленькой птички гаршнепа с такого расстояния, что скажешь потом другому охотнику и он улыбнется и припишет это общей слабости охотников все удачи свои преувеличивать. Да вот и сам я сейчас, рассказывая о чутье собак, остерегаюсь выразить свои чудесные случаи в метрах. Знаю, что скажут он врет, знаю, впрочем, что спрости его самого о своих случаях в опытах на дальность чутья – и он махнет еще много дальше, чем я.

Еще удивительней кажется чутье гончих, несущихся во весь дух по невидимому на чернотропе следу зайца или же лисицы. И мало того! Случается, поратая гончая на своем сумасшедшем пробеге старается держаться в стороне от следа, чтобы сила запаха зверя не сбивала чутье. Поразительна тоже для человека мощность легких у гончих и мускульная сила их ног. Сплошь и рядом бывает, что гончая с короткими перерывами лая и бега на заячьих скидках и сметках так и прогоняет зайца весь день.

А какой слух у собак! В лесу глухом, заваленном снегом, охотник идет с лайкой по следу куницы. Вдруг куница махнула на дерево и, невидимая, верхом пошла по кронам, почти сходящимся. Тогда охотник глядит на царапинки куньих

лапок по снежным веткам деревьев, на посорки, падающие сверху из-под лапок зверька, царапающих кору на стволах и ветках деревьев. И вот как будто и нет никаких признаков зверя, охотник ничего больше не слышит и ничего не может рассмотреть. Но лайка остановилась, поставила уши рожками и все поняла по слуху: она слышала, как упала посорка, точно определила место на дереве, откуда слетела частичка коры, и что-то увидела там. Охотник поглядел туда внимательно и тоже увидел.

Точно так же каждый охотник-любитель, что бывал с легавой собакой на тяге вальдшнепов, когда в полной для нас тишине в напряженном ожидании вдруг видит, будто электроток пробежал по собаке. Как стрела компаса, повернулась собака туда-сюда и, наконец, стала, и носом своим, как стрелкой, указывает место, откуда следует ждать желанного звука. Охотник повертывается по собаке, как по компасной стрелке, ждет, ждет и вот сам действительно слышит, – собака никогда его не обманет, – слышит известный волнующий звук токующего на лету вальдшнепа, знакомый всякому охотнику: «хор-хор!» и «цик!»

Так собака на охоте бывает как бы дополнением человека, как тоже и лошадь, когда человек на ней едет верхом.

Но собака не лошадь, собака настоящий, можно сказать, задушевный друг человека, и все-таки не сливается с ним в один образ, как сливается лошадь с человеком в кентавре. Может быть, это потому так, что самое главное в собаке для

человека – это чутье. Но чутье это не как хвост у лошади: чутье надо приставить к самому лицу человека, а лицо человека для поэта неприкосновенно. Впрочем, и то надо помнить, что время древних натуралистов прошло, и теперь мы больше заняты душой человека и животных, не внешним их выражением, а внутренней связью.

И если понадобится нам найти имя такой связи между человеком и собакой, то мы все знаем, имя этой связи есть дружба.

И тысячи поэтических произведений в стихах и прозе, тысячи живописных и скульптурных произведений посвящены дружбе человека с собакой.

Среди охотников распространено даже такое поверье, будто у настоящего охотника за всю его жизнь бывает только одна-единственная настоящая собака.

Конечно, фактически это поверье является нелепостью: собачья жизнь короткая в сравнении с жизнью человека, мало ли за жизнь свою человек может раздобыть себе собак с превосходным чутьем и поиском. Смысл этого поверья отнесется, конечно, не к рабочим качествам собаки, а к самой душе человека: по-настоящему любимой у человека может быть собака только одна.

И это правда!